

системе образования (а не фрагментарной и хаотичной) еще возможно, для это нужна прежде всего политическая воля. Иначе вместо прорыва к высокому качеству образования, новым технологиям и возможностям, мы, образно говоря, покупаем билет на «Титаник», да еще в каюту 4 класса, где «тонуть» вместе с лидерами глобальной цивилизации придется даже не видя сияющих электрических люстр и не слыша музыки с верхних палуб!

Библиографический список

1. *Воеводина Т.* Заочное питание: о новых успехах в деградации образования. URL: <http://usrand.ru/actuals/zaochnoe-pitanie>
2. *Кант И.* О педагогике // Тракаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 445—504.
3. *Кинелев В. Г.* Фундаментализация университетского образования // Высшее образование в России. М., 1994. № 4. С. 6—13.
4. *Смирнов Г. С.* Принципы ноосферного образования: философский и культурологический подходы // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету: материалы лицейско-университетской научно-методологической конференции «Предметно-содержательное и психолого-педагогическое обеспечение становления ноосферной школы». Иваново, 23—25 апреля 1997 г. Иваново, 1997. С. 30—46
5. *Тоффлер Э.* Третья Волна. М. : АСТ, 1999. 261 с.
6. *Фонтенель Б.* Отступление по поводу древних и новых // Рассуждения о религии, природе и разуме. М. : Мысль, 1979. С. 172—180.

ББК 74.48

В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

«ОЖИВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»: НЕРЕШЕННАЯ СВЕРХЗАДАЧА РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье представлена проблематика кризиса университета, связанного с историческим крушением метафизического универсализма; в центре внимания авторов — углубляющаяся антропологическая деградация, в пику которой указывается в качестве креативной возможности недораскрытый метафизический потенциал российской культуры.

Ключевые слова: университет, универсализм, человек, деградация, реновация.

The article presents the problems of the crisis of the university, associated with the historical collapse of metaphysical universalism; The authors focus on the deepening anthropological degradation, in contrast to which the undeveloped metaphysical potential of Russian culture is indicated as a creative opportunity.

Key words: university, universalism, man, degradation, renovation.

К теме *кризисности университета* и заложенного исходно уже в самом его имени *гносеологического универсализма* обращались крупнейшие мыслители Нового и Новейшего времени западной истории: Деррида и Хайдеггер,

Ортега-и-Гассет и Ясперс, отец Сергей Булгаков и Ницше — прежде она беспокоила Шопенгауэра и Канта, оформляющих последние траектории европейской метафизики... С концом советского времени этот весьма драматичный и насыщенный культурфилософскими проблемами опыт стал достоянием новой завораживающей герменевтической рефлексии.

«Беда в том, — отмечал, например, В. С. Библер, — что до сих пор в нашем опыте (даже в опыте учебного диалога) мы часто поступаем так: вот пришли к ученикам, теперь наша задача дать ”наличный“ предмет: физику, математику, биологию, литературоведение как они есть, но мы не хотим обнаруживать внутреннюю странность, диалогичность, сомнительность самих этих предметов, не доводим знание до предела, не раскрываем срез современного бытия человека в XX веке, который характерен для культурного обращения с понятиями. Тут важно сотрудничество крупнейших ученых. Но ученые бывают разные. Ученый на среднем уровне знания — это наибольший враг такого отношения к понятиям как к средоточиям “ученого незнания”. Только на уровне Бора, Эйнштейна, Гейзенберга, на основе изучения их работ мы действительно находим этот статус современного знания, сомневающегося не только в тех или иных понятиях, но и в самом абсолютном значении познания в качестве исчерпывающей характеристики разума» [3, с. 23].

Впрочем, оценки происходящего были и куда более отрезвляющими и пессимистическими: «Новую систему быстро и прочно не построишь, — писал А. В. Михайлов, — и мы пожинаем всегда будем пожинать все новые плоды разрушения старой образовательной системы. А стремительное переукрашивание невежественных преподавателей атеизма в ”культурологов“ приведет лишь к тем же результатам, что и всякий перелом, — в России ли, в Китае ли. Страшно подумать о том, что нам так никогда и не отвяжется от нечеловеческой системы жизнеустройства, которая так и будет продолжать побивать нас своими последствиями. Это и есть самоблокировка, когда общество, в какой-то своей части убедившись в необходимости знаний и культуры, видит, что, в сущности, некому учить, — слишком мало людей со знаниями, о чем бы ни шла речь» [9, с. 474—475]. Определяя далее в лосевском монументально-историческом стиле «эстетику» как «всеобщее отношение человека к жизни», которое, с одной стороны, «затрагивает все и включает в себя все», а с другой — «в этом отношении участвует человек в его целом», известный ученый-германист делает очень важное и, казалось бы, неожиданное указание: «Философия начинается не с кафедры, а с человеческого ума, который чаще всего даже и не подозревает о философии, о существовании университетской философии» [9, с. 476] — в таком исходном «оживлении человека» перед лицом мировой истории видится главная задача всякого и, уж тем более — высшего образования, поскольку, согласно Михайлову, «вся современная культура корнями своими уходит в XIX век... и надо снова и снова входить в этот мир, который становится все менее и менее известным и все менее и менее знакомым» [8, с. 855].

С чем мы имеем дело сегодня — в продвинутой фазе начала третьего тысячелетия? В одном ряду признаков духовного упадка человечества как «целостной человечности» [9, с. 475] выступают такие дегенеративные модели, как ’философия без Мудрости‘, ’даосизм без Дао‘, ’христианство без Христа‘, ’империя без императора‘, ’успешность без успеваания‘, ’косметика без космоса‘, ’экономика без хозяйства‘, ’общественность без человека‘, ’посредничество без сердца‘, ’текстуальность без автора‘, ’формативность

без содержания', 'наукометрия без науки' — где-то в этом ряду обнаруживают себя и 'компетенции без компетентности', на что мы указывали еще пять лет назад, но здесь вполне уместно будет вернуться к этим соображениям [10].

Компетентность — это знания (не исключаящие представлений об их таинственной и проблемной природе), компетенции же — это всего лишь соответствия... Наступательное подверстывание под компетентностный подход учебных программ всей нашей измученной образовательной системы уничтожает на корню холистический и логоцентрический смысл самого образования в том виде, в каком он оформился на протяжении нескольких тысячелетий, когда — пусть и весьма по-разному, но по большому счету — учили Истине.

Сегодня вырождение единого фундаментального знания в прагматическое многознайство псевдознатоков, которое, как отмечал еще Гераклит Эфесский, «уму не научает», целостного понимания реальности — в обладание разнохарактерной информацией о ней, цинично декларируемый переход от «знаниевой» модели образования к «умениевой» — все это по сути своей представляет глубокую антропологическую катастрофу, возвращающую человека из стадии «разумной» в стадию «умелую», то есть имеет место очевидное, но, похоже, контролируемое и управляемое, инволюционное одичание. Правда, в этом грандиозном управлении роль символических фигур «информационного поля» оказывается несоизмеримо могущественнее любых комитетов с прогрессивно-консервативным лицом двуликого Януса, которому этот процесс может быть подконтролен... Идеи всегда бывают сильнее людей, определяя их поведение, ибо, как говорил Христос, «где сокровище человека — там и сердце его» (Мф., 6 : 21).

Феноменально-аналитический характер компетенций не позволяет сформироваться ни проблемному знанию, с одной стороны, ни целостному мыслительному опыту, с другой — на их месте оказываются обычные для современного мира симулякры. А потому мы можем говорить здесь об агрессивном вторжении постмодернистской контркультуры в человеческую жизнь.

Ницше когда-то заметил, что «образование в больших государствах будет в лучшем случае делом посредственным, подобно тому, как пища в больших кухнях приготавливается в лучшем случае посредственно» — но эта констатация еще более справедлива в пределах модели «всемирного государства», для осуществления которой требуется активное формирование ответственности, исключаяющей любые признаки духовной элевации.

Характерология всеобщего образования в советское послевоенное время сначала выражалась в нарастающем требовании всеобщего среднего образования, последнее в позднесоветский период стало трансформироваться в уже неписаное требование обязательного высшего образования, предназначенного для легитимной антропологической пригодности (увы, отнюдь не спасаемой ночными кострами, байдарками и альпинизмом), что, в частности, выражалось известной циничной формулой: «Без бумажки ты — букашка, а с бумажкой — человек».

Таким образом, само высшее образование уже тогда объективно было поставлено на понижающий конвейер. Тотальная коррупция в этой системе на исходе XX столетия вплоть до циничной продажи оценок и дипломов привела к итоговому торжеству оглуляющих процессов: полное нивелирование проблемного характера образования, нигилистическое и лицемерное отношение к инерционно сохраняющимся ценностным требованиям его фундаментальности, вышеуказанный переход от «знаниевой» к «умениевой»

парадигме — несомненная общеантропологическая деградация, позволяющая известным культурфилософам (от Фукуямы — до Тульчинского и Дугина) диагностировать «конец истории» человечества и начало «постчеловеческой эры».

В 1990-е годы передовыми отечественными методистами активно внедрялись риторика творчества и технологии креативности, которые, как известно, больше тормозили живое учительское дело и творческое отношение к своей предметной области, препятствуя ее каждый раз неповторимому саморазвертыванию — сегодня требования соответствий убивают последнюю возможность подлинного знания.

Еще в первой половине XX столетия крупнейший западный мыслитель М. Хайдеггер в одной из наиболее известных и читаемых его довоенных работ начертал дальний прообраз нынешнего положения дел: «Решительное развитие современного производственного характера науки создает соответственно и новую породу людей. Ученый исчезает. Его сменяет исследователь, включенный в штат исследовательского предприятия. Это, а не культивирование учености, придает его работе злободневность. Исследователю уже не нужна дома библиотека. Кроме того, он везде проездом. Он проводит обсуждения на конференциях и получает информацию на конгрессах. Он связан заказами издателей. Они теперь, между прочим, определяют, какие надо писать книги» [16, с. 99—100].

Если в середине XIX века А. С. Хомяков мог позволить себе остроумно заметить о столичных интеллектуалах: «В Петербурге все понимают — но ничему не сочувствуют», — то ныне под угрозой оказывается даже само понимание, место которого все больше занимает бездумное оперирование строго процеженной сквозь обесчеловечивающие инновационные фильтры планетарной цивилизации «полезной информацией»... Как точно указал А. С. Панарин, «над инновационной деятельностью тяготеет знак социокультурного "преступления"» [12, с. 321]. Западная идея «непрерывного образования» очень далеко отстоит от русской народной пословицы «век живи — век учись» — примерно так же, как самодовольная недоумочность современного постантропологического типа предельно далека от евангельской духовной нищеты с ее метафизической жаждой (Мф., 5:3). «Существует много учений, но мало ученых» [4, с. 182], — эту арабскую пословицу Р. Генон приводил в пику машинерии выродившихся знаний.

Нет сомнения в том, что качество образования стало бы реальностью — однако же, в совершенно иных исходных условиях самой радикальной реновации, предполагающей его полную дестандартизацию, артистическую эксклюзивность и питающую метафизическую глубину. Но это было бы уже связано с концом современной дегенеративной цивилизации и началом совсем новой культуры — и, кто знает, в «мглистой глубине третьего тысячелетия», говоря по-шпенглеровски, вероятно, именно Россия смогла бы когда-нибудь выполнить эту грандиозную сверхзадачу, учитывая еще столь мало востребованный в нынешней действительности колоссальный потенциал отечественной логоцентрической культуры, прежде всего — русской религиозной философии...

Столь дивная Мастерская «большого времени» человеческого самопознания развернута здесь, что часто возникает ощущение ледящей бедности нынешних дней: «В наше время этот цветок люди видят словно во сне» [1, с. 56].

Впрочем, здесь нет ничего фатального. Так, многозначительны ссылки В. В. Путина на мысли русских религиозных философов, цитируемые им

труды которых принадлежат классике отечественного консерватизма: например, в 2012 году в речи перед Федеральным собранием Президент обращался к творчеству Л. Н. Гумилева, называвшего себя «последним евразийцем» — к его главной теории «пассионарности»; в 2013 году цитировал «Философию неравенства» Н. А. Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию»; в том же году в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент обратился к главному образу философии К. Н. Леонтьева, принципиально противопоставив его советскому классику — В. И. Ленину указанием на то, что для России органичен образ отнюдь не «тюрьмы народов», а «цветущей сложности»; в 2014 году в Послании к Федеральному собранию Путин процитировал сборник статей И. А. Ильина «Наши задачи»: «Кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы; прежде всего, свободы для самой России, ее международной независимости и самостоятельности; свободы для России как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей, свободы для всех нас: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности»; на исходе 2016 года в речи Федеральному собранию глава государства привел впечатляющий фрагмент написанного в годы Великой Отечественной войны эссе «Жизнь» А. Ф. Лосева: «Мы знаем весь тернистый путь нашей страны, мы знаем томительные годы борьбы, недостатка, страданий, но для сына своей родины — это все свое, неотъемлемое, родное»; весной 2017 года Путин прочитал на всю страну софиологические стихи К. Д. Бальмонта, посвященные универсальной роли женского начала...

При всех специфических различиях авторов, к которым Президент России обращался в прошедшие годы, он почерпнул в их наследии и глубочайшую восточную стратегию (назовем ли ее «философией мягкого пути» либо как-то еще — дело в смыслах, а не в «долгом государстве Путина», не к ночи недавно помянутом В. Ю. Сурковым...), замечательно выраженную в небольшом фрагменте из раннего рассказа Л. Н. Толстого «Набег», который приведем ниже:

«Хорошенький прапорщик был в восторге; прекрасные черные глаза его блестели отвагой, рот слегка улыбался; он беспрестанно подъезжал к капитану и просил его позволения броситься на ура.

— Мы их отобьем, — убедительно говорил он: — право отобьем.

— Не нужно, — кротко отвечал капитан: — надо отступать. Рота капитана занимала опушку леса и лежа отстреливалась от неприятеля. Капитан в своем изношенном сюртуке и взъерошенной шапочке, опустив поводья белому маштачку и подкорчив на коротких стременах ноги, молча стоял на одном месте. (Солдаты так хорошо знали и делали свое дело, что нечего было приказывать им.) Только изредка он возвышал голос, прикрикивая на тех, которые подымали головы.

В фигуре капитана было очень мало воинственного; но зато в ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. “Вот кто истинно храбр”, сказалось мне невольно.

Он был точно таким же, каким я всегда видал его: те же спокойные движения, тот же ровный голос, то же выражение бесхитрости на его некрасивом, но простом лице; только по более, чем обыкновенно, светлому взгляду можно было заметить в нем внимание человека, спокойно занятого

своим делом. Легко сказать: таким же, как и всегда. Но сколько различных оттенков я замечал в других: один хочет казаться спокойнее, другой суровее, третий веселее, чем обыкновенно; по лицу же капитана заметно, что он и не понимает, зачем казаться.

Француз, который при Ватерлоо сказал: “*lagardemeurt, maisneserend pas*”, и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры и действительно говорили достопамятные изречения; но между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, в каком бы то ни было случае, даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить великое дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости; и как же после этого не болеть русскому сердцу, когда между нашими молодыми воинами слышишь французские пошлые фразы, имеющие претензию на подражание устарелому французскому рыцарству?..» [14, с. 29—30].

Означенная здесь тема особой русской *невоинственной* доблести (*virtusrossika*) поднимается писателем и когда он рисует в романе «Анна Каренина» своего альтер-эго Константина Дмитриевича Левина, отказывающегося от многих славянских баталий [11, с. 30—36].

Не только «русский даос», каковым по сути был Л. Н. Толстой, но и на другом содержательном полюсе «пламенный реакционер» и «разочарованный славянофил» К. Н. Леонтьев, для которого «какой-нибудь православный монгол все будет лучше русского либерала» — склонны были видеть в философии уже указанную универсальную примету, присущую людям вообще: «Не бойся философии, мой друг: она невидимая основа жизни. Каждый из нас, каждый человек, каждый простолюдин — философ, сам того не зная» [6, с. 302].

Н. А. Бердяев видел в таком восприятии философии исконную национальную черту, создающую особый человеческий колорит, с чем трудно не согласиться: «Русскому народу свойственно философствовать. Русский безграмотный мужик любит ставить вопросы философского характера — о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божье» [2, с. 68]. Такой ранний опыт философической настроенности на протяжении всей отечественной истории являлся куда более устойчивым фактом, нежели любые формы официальной и академической философии, в которых носители российского культурно-цивилизационного кода чаще всего видели рабские цепи и эхо чужих нерешенных проблем — понимание этого неустранимого обстоятельства, при всем интересе к европейскому интеллектуализму, продуктивной открытости ему и даже существенной зависимости от последнего [5], открывает нам глубочайшие корневые связи этого опыта с русской словесностью (древней и новой) и народной культурой как питательной почвой.

Духовная специфика русской философии заключается как в ее доминирующей религиозно-мифологической обращенности к духовным началам бытия, что существенно отличает ее от прогрессирующих дегенеративных трендов философии западной, так и в ее собственной пневматологической [17] специфичности, сопряженной с идеями одухотворенной плоти и ословесненного космоса. Русская философия в самой основе своей — идеациональна [13]; поэтому идеалистическое моделирование оказывается нашей

ближайшей творческой задачей, связанной с реагированием на глобальный антропологический кризис и проблематикой смысла жизни [15]. Сможет ли будущий российский университет в текущих зыбях обрести эту незыблемую метафизическую платформу? — вопрос, подлежащий суду грядущего. В ответ на радикальные и, казалось бы, вполне обоснованные сомнения в жизнеспособности университета в долгосрочной исторической перспективе [7] остается антикризисный ресурс отечественной интеллектуальной культуры.

Библиографический список

1. Афоризмы старого Китая / пер. с кит. В. В. Малявина. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
3. Библер В. С. Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы. Перспективы. Кемерово : «Алеф» Гуманитарный Центр, 1993.
4. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М. : Беловодье, 1993.
5. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М., 2011.
6. Леонтьев К. Н. Исповедь мужа // Леонтьев К. Н. Египетский Голубь: роман, повести, воспоминания. М., 1991.
7. Маслов О. А. «Смерть университета» и кризис современного человека // Идея университета и топос мысли : материалы конференции, посвященной 25-летию кафедры философии гуманитарных факультетов СамГУ. Самара : Самарский университет, 2005.
8. Михайлов А. В. Поворачивая взгляд нашего слуха // Михайлов А. В. Языки культуры : учебное пособие по культурологии. М. : Языки русской культуры, 1997.
9. Михайлов А. В. Эстетика и оживление человека // Михайлов А. В. Избранное: Историческая поэтика и герменевтика. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006.
10. Океанский В. П. Компетенции без компетентности: новые угрозы качеству образования // Философия хозяйства : альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2013. № 2.
11. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Почему Константин Левин не идет на войну? // Научный поиск : научный журнал. 2015. № 1 (15).
12. Панарин А. С. Инновации // Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004.
13. Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Сорокин П. П. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992.
14. Толстой Л. Н. Набег // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 2 : Повести и рассказы, 1852—1856. М., 1979.
15. Франк С. Л. Смысл жизни. Берлин, 1925.
16. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе / сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М. : Прогресс, 1986.
17. Шмаков В. А. Основы пневматологии. Киев : София, 1994.